

Федор Сологуб

Звериный быт

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Т37

Т37 **Тетерников Ф.К.**
Звериный быт / Федор Сологуб – М.: Книга по Требованию, 2012. – 44 с.

ISBN 978-5-4241-3327-5

Рассказ одного из ярких представителей "Серебряного Века" Федора Сологуба.

ISBN 978-5-4241-3327-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Сологуб Федор
Звериный быт

Федор Сологуб
Звериный быт

I

Подобно тому, как в природе кое-где встречаются места безнадежно унылые, как иногда восходят на земных просторах растения безуханные, не радующие глаз, - так и среди людских существовании бывают такие, которые как бы заранее обречены кем-то недобрым и враждебным человеку на тоску и на печаль бытия. Будет ли виною тому какой-нибудь телесный недостаток, иногда совершенно незаметный для света, да зачастую забываемый и самим обладателем этого недостатка, плохое зрение, слабые легкие, маленькая неправильность в строении какого-нибудь органа, или что-нибудь иное, - или слишком нежная, слишком восприимчивая ко всем впечатлениям душа с самого начала своего сознательно-го бытия поражена была почти смертельно какими-нибудь безобразными, грубыми выходками жизни, - как бы то ни было, вся жизнь таких людей является сплошною цепью томлений, иногда с трудом скрываемых.

Кто из людей, знающих свет, не встречал таких людей, и кто не удивлялся их странной, капризной неуравновешенности!

Такою обреченною всегда томиться душою обладал некий петербуржец, Алексей Григорьевич Курганов. Один из многих.

Жизнь его с внешней стороны складывалась очень удачно. Раннее детство его протекало на лоне природы, в прекрасном, благоустроенном имении его родителей, расположенном в живописной местности средней России. Первые впечатления бытия были ему радостны, леса, поля и реки раскрывали перед ним много интересного, и люди вокруг были очень занятные. Воспитывали его тщательно, даже не слишком уж дурно, хотя и сообразно с неподвижными традициями хо-рошего дворянского рода.

Учился Алексей Григорьевич хорошо, нигде в классах не засиживался. В деньгах он никогда особенно не нуждался, - родители давали ему всегда ровно столько денег, сколько ему было нужно. Потом они умерли как-то очень вовремя, не слишком рано, но и не слишком поздно, и оставили ему приличные средства.

Когда Алексей Григорьевич сделался самостоятельным, его хорошие связи и знакомства всегда помогали ему очень недурно устраиваться. Он служил на видных, но совершенно спокойных местах, дававших ему порядочное жалованье и немало досуга.

Казенная служба скоро перестала нравиться Алексею Григорьевичу, - да ему и ничто не нравилось долго, - и тогда он некоторое время служил по выборам. Потом он устроился очень хорошо в правлении одного видного и крупного предприятия. Здесь он получал большое жалованье, играл удачно, хотя и осторожно, на бирже и выигрывал на скачках и на бегах, - помогали и счастье, и холодный расчет.

Когда Алексею Григорьевичу минуло двадцать восемь лет, он женился по любви на дочери видного земского деятеля, Шурочке Нерадовой. Шурочка была очаровательна и принесла ему прекрасное приданое. В Шурочкином нежном и задумчивом лице было что-то, что напоминало лучшие портреты Генсборо. Шурочка очень мило пела, недурно играла на рояли, любила читать стихи новых поэтов, особенно французских, и обладала изысканным, тонким вкусом. Туалеты

Шурочкины были превосходны, и она ухитрялась тратить на них не слишком много, чем немало гордилась. Со своею милою Шурочкою Алексей Григорьевич чувствовал себя на вершине блаженства, а в обществе был горд женою. Только порою грустные Шурочкины глаза, остановившись на нем с неизъяснимым выражением, наводили на него смутный страх, и он старался разогнать его усиленной веселостью. А поездками в те места, где люди хотят веселиться, он пытался заставить Шурочку улыбаться и смеяться, как улыбаются и смеются другие веселящиеся дамы. И Шурочка улыбалась, - ей было весело.

Через два года Шурочка родила Алексею Григорьевичу сына, веселого, здорового мальчика. Она сама выкормила его. Когда он стал подрастать, было заметно, что он больше похож на мать, чем на отца.

Вот, все внешние признаки благополучия были налицо. Вся жизнь Алексея Григорьевича, казалось, идет легко и приятно, как сон в летний полдень. И все же...

II

Еще в детстве как-то болезненно и памятно чувствовались мелкие обиды, которые судьба не устаёт причинять даже и тем, к кому она, по-видимому, так благосклонна. Всякая несправедливость и неправда больно поражали впечатлительного мальчика. Его родители были не совсем довольны этою чрезмерною и часто неудобною чуткостью. Но они надеялись, что с годами это пройдет и что их сын будет как все. Порода и воспитание должны же сказаться.

Тогда еще он не знал, а потом, узнавши, не мог помириться с тем, что несправедливость и неправда очень удобны для людей, а справедливость и правду надобно еще создавать, - нет их в земной природе. Горько было ему узнать, что не лгать не могут люди, что ложью держится их жизнь, а правда разрушает ее.

Слишком рано пришлось Алексею Григорьевичу, - и слишком часто, - жалеть людей или презирать их, слишком "часто, так что для любви к ним уже и немного осталось сил в его сердце.

С казенной службы ушел Алексей Григорьевич потому, что его заставили сделать что-то, совсем не согласное с законом, но очень выгодное для влиятельного лица.

Знакомые дивились щепетильности Алексея Григорьевича. Говорили ему:

- Зачем вы это делаете? Для чего? Вам-то что за дело? Ведь вы - только исполнитель. Отвечает за это ваш начальник. И другие говорили:

- Все равно, вы ровно ничего этим не достигнете. Не вы, так другой это сделает. Вы только себе карьеру испортите.

Алексей Григорьевич молча улыбнулся. Он уже тогда знал, что спорить с людьми бесполезно. Но и с ним спорить было бесполезно также. Для себя самого он навсегда решил не делать лишних уступок злу и безобразию грубой жизни.

Служба по выборам сначала понравилась Алексею Григорьевичу очень. Ему казалось, что здесь можно многое сделать для народа, для приближения народной жизни к европейским нормам благополучия и культуры.

Скоро Алексей Григорьевич во всем этом разочаровался навсегда. Он точно с неба упал, когда познакомился с теми махинациями и интригами, которые беззащитно практиковались здесь. И отсюда он ушел.

Служба в коммерческом деле, откровенно преследующем цели личного обогащения, оказывалась пока самым чистым делом. Пока, конечно. Скоро Алексей Григорьевич разочаруется и в этом деле и покинет и эту службу.

III

Однажды Алексей Григорьевич сидел у себя в кабинете за какой-то работой. Он считал эту работу спешной, хотя никто особенно не был озабочен ее скорым окончанием.

Вдруг Алексей Григорьевич услышал из гостиной легкий кашель. Он удивился.

"Кто же это?", - подумал он.

Он знал, что никого чужого в доме нет и что Шурочка одна.

Кашель повторился. Алексей Григорьевич обеспокоился. Он поспешно вышел в гостиную. Так и есть, - кашляла Шурочка.

Алексей Григорьевич, подходя к жене и с тревогою глядя на нее, спрашивал:

- Шурочка, ты простудилась? Где ты простудилась?

Шурочка спокойно смотрела на Алексея Григорьевича. Она закрывала рот тонким маленьким платком, от которого нежно и слабо пахло ее любимыми духами, кигризом. В ее глазах было какое-то удивительное выражение, которого еще никогда не видел в них Алексей Григорьевич. То спокойствие, которое пугает прежде, чем поймешь причину своего испуга. Алексей Григорьевич сел рядом с Шурочкой. Он ласково вынул из ее рук платок. По самой середине маленькой батистовой тряпочки краснелось крохотное пятнышко.

Алексей Григорьевич растерянно переводил глаза с красненького пятнышка среди платка на спокойное, только чуть-чуть побледневшее Шурочкино лицо. Он не знал, что сказать. Мысли его были спутанные и обрывочные.

Было ясно в комнате и тихо, и лампы горели по-зимнему, и камин тихонько трещал, бросая на ковер красноватый свет. В соседней комнате, в столовой, легонько позвякивали чайные ложки в руках расторопной горничной Даши.

Шурочка заговорила негромко:

- Алексей, но разве же ты не знал, что я скоро умру? Алексей Григорьевич, чувствуя внезапный жар во всем теле, воскликнул:

- Шурочка, бог с тобою! Разве можно говорить такие слова! Ты должна жить долго, долго. Тебе надобно серьезно полечиться, - и все это пройдет.

Шурочка покачала головой. Глаза ее были такие большие, такие печальные, а лицо у нее было спокойное. В эту минуту она казалась слишком красивой, словно уже неживая, словно она была только мечтой вдохновенного художника, только вечным созданием совершенного и мудрого искусства, вознесенным над жизнью.

Но кто же этот художник, создающий, чтобы разрушить?

Шурочка спокойно сказала:

- Нет, я с детства чувствовала, что мне долго не прожить. Я никогда не могла так играть и так много бегать, как мои подружки. Даже пение меня всегда утомляло. У меня всегда была слабая грудь.

И, помолчав немного, Шурочка продолжала:

- Я - нехорошая. Мне бы не следовало выходить за тебя. Если я рано умру, я знаю, это будет для тебя таким большим горем. Но мне так хотелось счастья! И

с тобою все эти годы я была так счастлива!

Она прижалась к плечу Алексея Григорьевича. Такая счастливая была на ее нежных губах улыбка, что Алексей Григорьевич подумал

"Ничего нет серьезного, - одно воображение. Все пройдет, только полечить Шурочку надобно хорошенечко. Поправится Шурочка, и опять все будет хорошо".

Но что-то против его воли настойчиво говорило ему, что Шурочка не поправится, что Шурочка умрет скоро и что дом его будет пуст.

IV

Алексей Григорьевич принялся усердно лечить Шурочку. Врачи утешали его. Они брали гонорар и говорили беззаботно:

- Ничего нет опасного. Самое обычное явление. Пока пропишу микстурку, а самое главное - климатическое лечение. И больше ничего. Будьте спокойны. Волноваться нет ни малейшей причины.

Один врач, другой, третий, и еще, и еще, и здесь, и там, и в ином месте, - много перевидали врачей. И Алексей Григорьевич уже не мог поверить врачам. Да они об этом и не заботились. Лечение указано согласно науке, чего же больше!

А Шурочка была совершенно спокойна и даже весела. Заботы о ней Алексея Григорьевича, видимо, доставляли ей удовольствие, и она смотрела на мужа благодарными глазами. Ей нравилось лежать на широких террасах эlegantных санаториев, дышать редким горным воздухом, смотреть на снеговые вершины невозмутимо спокойных гор, слушать легкий плеск горного озера, похожий на лепечущий разговор каких-то мечтательных, очаровательных нежитей.

Шурочка часто говорила:

- Я - счастливая. Разве этого мало? Разве же надобно, чтобы счастье человеческое продолжалось долго, долго, пока не надоест? Конечно, нет. Я счастливая, и больше мне ничего и не надобно.

Когда Алексей Григорьевич слушал эти слова, ему хотелось плакать, - от любви, от нежности, от жалости к Шурочке, к себе, ко всем умирающим, ко всем переживающим смерть близких сердцу.

V

Климатическое лечение не помогло. Шурочка приметно с каждым днем угасала.

Был ясный день. Снежные горы белели вдали, похожие на красивую сказку, - безоблачное, синело небо, - легкий плеск озера был слышен в долине, плеск ласковый и веселый, - от зеленеющих молодо и весело деревьев ложились темные, отрадные тени, - птицы проносились высоко, высоко, легкие, свободные. Так все было спокойно и невозмутимо, как может быть только в мирной ограде земного рая или разве еще только в стране бережливых, аккуратных фермеров и рантьефов, так же уверенных в прочности своего благополучия, как уверены небесные ангелы в бесконечной невозмутимости их блаженства.

Шурочка сидела в саду. Тихая задумчивость баюкала ее. Она перебирала в памяти своей те радости, из которых составлена была ее жизнь. Вспоминала ясное милое детство, - пору вешних мечтаний, - время сладкой влюбленности, жизнь с нежно любимым мужем, - рождение сына. Все было хорошо, все радовало ее.

Только дышать было трудно. И совсем не было сил. Пройдет Шурочка несколько шагов, - и уже устала.

И вот скоро, стало быть, конец? Как же так?

Всю жизнь Шурочка думала, что умрет рано, и не боялась смерти ничуть. Даже немножко кокетничала сама с собой тем, что умрет молодая. Но когда стало близким то, чего она ожидала всегда, стала дивить ее эта готовящаяся таинственная перемена, потом печалиться, и наконец уже ей стало страшно. Обидно было думать, что ее тело, привыкшее к нежным удобствам, к изысканным нарядам, заруют в черную яму.

Алексей Григорьевич подошел к Шурочке. Она сказала:

- Я умираю.

Ее глаза были широко открыты и неподвижно глядели на Алексея Григорьевича. Было в них выражение человека, который смотрит на то неведомое, что он уже перестал бояться, но от чего уже никогда не ответит взора.

- Полно, Шурочка, мы еще проживем, - сказал Алексей Григорьевич, пытаясь легким тоном этих слов успокоить ее. Шурочка слегка нахмурила тонкие брови. Сказала:

- Как же я могу жить, если у меня легкие разваливаются? И заплакала тихо.

Алексей Григорьевич, бледный и растерянный, стоял перед нею и не знал, что сказать.

VI

Потянулись для Алексея Григорьевича дни тупого отчаяния. Обострились эти ощущения, так памятные еще из детства, - тоска навстречу новому дню, так часто омрачавшая его утра, - и радостное облегчение, когда приближались ночь и сон, милое подобие утешительной смерти.

Ожидание Шурочкиной смерти претворялось иногда в страстное желание, чтобы смерть эта пришла скорее. Так было тяжело ждать, и так томилась бедная Шурочка. И так как Алексей Григорьевич любил правду человеческого чувства и ненавидел людские притворства, то и себя он не упрекал за это жестокое желание. Даже, может быть, если бы он с Шурочкою был один в пустыне, он бы сам убил ее, чтобы сделать смерть ее радостной и свободной. Перед смертью Шурочка улыбнулась бы ему кротко и посмотрела бы на него благодарными глазами.

Но люди злы: они убивают только тогда, когда ненавидят.

И вот настал день, - Шурочка умерла.

Хлопоты с перевозом тела на родину развлекли Алексея Григорьевича. Он не рыдал над милым прахом, как рыдают другие. Его близкие и родные не опасались за то, что он в порыве горя лишит себя жизни. Он был спокоен. Посторонним казалось, что он даже слишком спокоен.

Шурочкина смерть осталась в его сердце навсегда, - горем не возрастающим и незабываемым. Как бы частью его души, неизменной атмосферой его бытия. Через много лет в душе его повторялись все те же тихие Шурочкины слова:

- Я умираю.

И душа его трепетала от боли, которой не видел никто.

VII

Прошло несколько лет. Алексею Григорьевичу было сорок два года и его Грише - двенадцать лет. Алексей Григорьевич был директором правления в одном

крупном предприятии. Но уже эта деятельность утомила и разочаровала его, и он думал все чаще о том, чтобы оставить ее. И все чаще приходило к нему желание переменить жизнь. Грустные Шурочкины взоры говорили ему о тоске и о тщете этой скучной жизни в городе. Все темнее, все томительнее волновала его женщина города, это странное существо, созданное современным Содомом и стремящееся стать подобием парижанки, по-видимому, пустой, ничтожной и лживой, но в глубине своей непомерно искренней и подлинной, а потому всемирной, как чрезмерно искренним и потому всемирным становится все, исходящее из милого и страшного Парижа. И так колебался он между двумя влияниями, - жены отошедшей, тихой, зовущей к успокоению, - и жены чаемой, зовущей к жизни шумной, торопливой, широкой.

Но жизнь в городе становилась ненавистна ему, потому что все яснее представлялось, что в городе наших дней, великолепном Содоме, возрождается древний зверь и хочет властвовать. Все то жестокое, что свершалось в стране, шло отсюда. А в стране нашей в то время свершалось много жестокого.

Если было счастье в жизни Алексея Григорьевича, то оно было только в жизни его сына, в заботах о нем каждый день, и в одной великой заботе о том, чтобы Гриша был лучше своих предков, чтобы он жил для достойной жизни, свободный, чистый, смелый. Когда летом в деревне смотрел Алексей Григорьевич на обласканное ярким светом среди песков и трав, стремительное, сильное Гришине тело, - когда в городской квартире слышал он на паркетах комнат быстрый бег босых Гришиных ног, - то ему казалось, что нет большего счастья, как то, чтобы стать двенадцатилетним не боящимся и не стыдящимся отроком.

VIII

Была середина зимы. День праздничный, ясный, морозный смотрел в широкие и высокие окна кабинета Алексея Григорьевича. Белая снежная пелена зимней мостовой делала красивой эту тихую городскую улицу с рядом старавшихся быть пышными и богатыми домов, где жили в лицевых квартирах люди, тратящие много, а в квартирах во дворе, тесных, темных, неудобных, ютились те странные люди, которым нравилось сознание, что и они живут на аристократической улице.

Алексей Григорьевич был дома один. Он только что кончил завтрак. Никуда не собиравшись, никого к себе не ждал. Сидел в своем кабинете, удобно прижавшись к углу дивана, подобрал под себя ноги в легких лакированных ботинках. Внимательно читал новую книгу о многообразии религиозного опыта. Раздался тихий стук в дверь.

- Войдите! - сказал Алексей Григорьевич, с некоторой досадой отрываясь от книги.

Не то чтобы книга очень интересовала его, - но ему сейчас не хотелось видеть людей, говорить с ними, - тягостное утомление жизнью в этом холодном, темном городе владело им.

Бесшумно открылась дверь. Колыхнув складки тяжелой темно-синей портьеры, гармонировавшей своим спокойным цветом с синими стенами кабинета, вошла горничная Наташа, молодая быстроглазая девушка. Тихо по темно-синему сукну, затянувшему пол кабинета, она неторопливо подошла к дивану, где сидел Алексей Григорьевич, подала ему карточку и очень тихо сказала:

- Просят, чтобы вы их приняли. Говорят, что они по очень важному делу и что

им необходимо переговорить с вами сегодня же.

Алексей Григорьевич опустил глаза на карточку и на ней прочел совершенно незнакомое ему имя. В это время Наташа быстро глянула в зеркало над топившимся камином, поправила быстрым движением красивых, белых, открытых до локтя рук свою слишком сложную, как у барышни, прическу с вложенным в нее бледно-розовым цветком и, опуская руки, тесно прижала их к бокам, так что ясно и отчетливо обрисовалась ее высокая, слишком пышно развившаяся грудь молодой, здоровой девушки.

Алексей Григорьевич заметил все эти Наташины маневры и сердито поморщился.

"Положительно, следует отказать ей", - подумал он, уже не в первый раз за эту зиму. Алексею Григорьевичу очень не нравилось, что Наташа, такая скромная в первые два года службы у него, теперь очевидно кокетничает с ним. Она смотрит на него иногда какими-то странными глазами. Старается подойти к нему насколько можно поближе. Ночью выискивает предлоги, чтобы встать с постели, и, словно невзначай, встречается с ним неодетая.

Да, надобно ее рассчитать. Но за что? Она - такая услужливая. Все делает она исправно. Мебель и вещи Алексея Григорьевича держит в порядке. Не за что отказать.

Алексей Григорьевич быстро окинул Наташу сердитыми глазами. Она покраснела и чуть-чуть усмехнулась.

- Наташа, - строго сказал Алексей Григорьевич, - для чего вы вдели этот глупый цветок в прическу? Выньте и вперед не смейте являться ко мне с цветами в волосах.

Наташа сказала покорно:

- Слушаю, барин.

И вынула цветок из волос.

- И нельзя ли делать прическу попроще? - продолжал Алексей Григорьевич.

Наташа отвечала так же покорно:

- Слушаю, барин.

Она стояла перед ним прямая, почтительная, скромно опустив руки, чуть-чуть, едва заметно, усмехаясь, - так легка была усмешка, что нельзя было за нее сделать замечание. И у Наташи был такой вид, точно она понимает, что все это, и о цветке, и о прическе, только придирки, капризы скучающего барина, но что она и капризы его сносит покорно. И уже в самой этой сознательной и рассчитанной покорности было много досадного.

Алексей Григорьевич опять опустил глаза на карточку. Там типографским косым шрифтом было напечатано:

Илья Никанорович Кундик-Разноходский.

Комиссионер по наведению справок.

Селивановская, 18, кв. 73.

Алексей Григорьевич тщетно напрягал память, - положительно, он не помнил этого господина. Собрать о ком-нибудь или о чем-нибудь справки через комиссионеров ему никогда не приходилось, и теперь он не нуждался. Принимать совершенно незнакомых людей он не любил. Он знал по долгому опыту, что эти посещения всегда бывают неприятны. Все это были прожектеры с явно необоснованными проектами, или попрошайничающие лгуны, или, просто-напросто,

воры.

Он сказал:

- Спросите его, Наташа, толком, какое именно у него до меня дело. Я его совершенно не знаю и не могу принять его, не зная, зачем он пришел. Притом же я очень занят.

С той же стереотипною вежливостью отлично дисциплинированной горничной и с той же едва заметною усмешкою Наташа отвечала:

- Слушаю, барин.

Проходя мимо камина, она приостановилась, нагнулась, - как будто бы для того, чтобы поправить дрова, хотя в этом не было никакой надобности, а на самом деле для того, чтобы лишний раз выказать свою ловкость и свои формы, бросила в огонь свой смятый цветок, который она до того держала в руке, и постаралась сделать это так, чтобы Алексей Григорьевич это заметил и оценил бы ее покорность. Потом, легко поднявшись, Наташа опять быстро глянула в зеркало и той же неслышной походкой ушла.

IX

Через минуту Наташа вернулась, опять подошла к дивану, где все еще сидел Алексей Григорьевич, и сказала тихо, точно сообщала что-то секретное:

- Они говорят, что, безусловно, не могут мне сказать. Им бесприменно надо вас лично повидать. Скажите, говорят, вашему барину, что, безусловно, необходимо повидаться немедленно по делу, лично для барина очень важному.

Алексей Григорьевич досадливо помолчал и спросил:

- Ну, а с виду-то он какой? Приличный? Или похож на просителя?

Наташа легонько повела круглым, полным плечом, изобразила на своем лице замешательство и, еще более понижая голос, сказала:

- Как сказать уж, право, не знаю. Цилиндр на них и перчатки, ну, а пальто совсем не модное, потертое, а с лица, - так, не очень симпатичные. Борода большая, черная, очки синие, а сами как будто из цыган будут.

- Одним словом, темная личность, - тихо, как будто про себя, сказал Алексей Григорьевич.

- Не могу знать, - сказала Наташа.

Усмешка ее уже была смелая, словно она воспользовалась этими лишними словами Алексея Григорьевича. Алексею Григорьевичу стало досадно на самого себя. Как всегда в таких случаях, раздражение против себя обратилось на другого. Он резко сказал Наташе:

- Да я вас и не спрашиваю, Наташа. Пригласите. Наташа покраснела,

- и Алексей Григорьевич подумал, что она краснеет слишком часто. Опять ему стало досадно на то, что он слишком много внимания обращает на эту красивую, хитрую девушку и тем самым как бы поощряет ее старания кокетничать с ним.

Когда уже Наташа вышла, Алексей Григорьевич подумал, что этого подозрительного господина принимать не следует, и сообразил, что это слово "пригласите" нечаянно вырвалось у него и просто с досады. Он порывисто встал с дивана, быстрыми шагами подошел к большому, загроможденному множеству нужных и ненужных вещей письменному столу и схватился за лежащую на нем в холодной бронзовой оправе в виде зеленовато-голубой лягушки на длинном синем шнулке пуговку электрического звонка, чтобы позвать Наташу и отменить